

С третьей недели после переезда в съемную квартиру мои занятия по специальности в университете стали куда интенсивнее. Каждое утро, еще до звонка будильника в семь часов, я слышал тихий шорох из соседней спальни — это Шэнь Чжися собирал принадлежности для рисования. У него была привычка рано вставать и отправляться на этюды к Западному озеру; он говорил, что утренний свет лучше всего подходит для того, чтобы поймать игру бликов на воде.

Когда я, потирая глаза, выходил из своей комнаты, на обеденном столе в гостиной всегда стояли подогретое молоко и сэндвич, приготовленные им перед выходом. Иногда начинка была из ветчины с яйцом, иногда — из авокадо с креветками. Он каждый день придумывал что-то новое, даже оберточную бумагу сворачивал аккуратно-аккуратно.

— Сегодня есть утренняя пара? — спросил он, надевая на плечо сумку с планшетом для рисования и собираясь уходить. Увидев, как я торопливо запихиваю сэндвич в рот, он улыбнулся и протянул мне салфетку. — Ешь медленнее, подавишься. Я положил тебе в боковой карман рюкзака мятную конфету, чтобы взбодриться.

Я кивнул с набитым ртом, глядя, как он выходит за дверь. Черная папка с бумагами слегка качнулась в утреннем свете и вскоре исчезла в пролете лестницы. Такие утра стали обычным делом: он уходил, едва солнце касалось горизонта, а я, прихватив приготовленный им завтрак, спешил на занятия. Жизнь нас двоих напоминала две пересекающиеся прямые: мы ненадолго встречались в утренней гостиной, чтобы затем разойтись в разные стороны.

Курс финансов в Чжэцзянском университете всегда славился своей «жесткостью». Утренняя лекция по денежно-кредитной банковской системе длилась с девяти до одиннадцати тридцати. Преподаватель у доски выводил модели процентных ставок, вся поверхность была исписана сложными формулами. Большинство моих однокурсников склонили головы над конспектами, лишь изредка кто-то украдкой зевал. Я достал тетрадь и только успел вывести заголовок Теория предпочтения ликвидности, как телефон завибрировал — пришло сообщение от Шэнь Чжися. Он прислал фотографию утреннего тумана над Западным озером, в котором скрывались несколько прогулочных лодок. Подпись гласила: Сегодняшний туман идеально подходит для стиля гохуа, покажу тебе черновик, когда вернешься вечером.

Я улыбнулся, глядя на фото, перевел телефон в беззвучный режим и снова перевел взгляд на доску. Раньше занятия казались мне скучными, голова была забита лишь цифрами и моделями, но теперь мысли то и дело улетали прочь. Я представлял, как Шэнь Чжися сейчас сидит на скамейке у озера, как его кисть скользит по бумаге, а солнце удлиняет его тень. Я думал о том, что вечером вернусь домой и увижу свет в его мастерской, почувствую в воздухе аромат красок и домашней еды.

В обед в университетской столовой я нашел место у окна с подносом в руках. Стоило мне откусить рис, как я услышал, что кто-то зовет меня по имени. Это был Ли Чжэ с моего курса. Он поставил две бутылки колы и сел напротив:

— Слышал, ты съехал? Снимаешь жилье с кем-то?

— Ага, с другом, он изучает искусство, — я взял колу и открутил крышку, сделав глоток.

— Искусство? — Ли Чжэ приподнял бровь. — И как вы познакомились? Я-то думал, ты кроме учебы и библиотеки вообще ни с кем не общаешься.

Я вспомнил тот дождь у Западного озера, рассвет на горе Баоши и невольно улыбнулся:

— Случайно познакомились. Он очень хороший человек, к тому же умеет готовить.

Ли Чжэ сделал вид, что все понял, и толкнул меня локтем:

— Ну ты даешь, Чэнь Юй! Когда приведешь его пообедать с нами? Хочется хоть раз увидеть твоего друга-художника.

— Как-нибудь потом, он сейчас занят рисованием, — я перевел разговор на тему групповой работы, запланированной на вторую половину дня. На самом деле я вовсе не хотел прятать Шэнь Чжися, просто боялся, что он будет чувствовать себя не в своей тарелке: у него был спокойный характер, и шумным посиделкам он предпочитал тишину своей мастерской.

Практика по рынку финансов шла с двух до пяти вечера. Наша группа работала над моделью анализа динамики акций, и мы три часа кряду просидели, уткнувшись в мониторы, — глаза уже начали слезиться. К концу занятий на улице стало смеркаться. Выйдя из учебного корпуса с рюкзаком на плечах, я увидел у ворот черный велосипед. Шэнь Чжися сидел на нем, опираясь ногой о землю и держа в руках альбом. Увидев меня, он с улыбкой помахал рукой:

— Только что закончил рисовать закат в окрестностях, решил заехать за тобой по пути.

Я подошел ближе и заглянул в его альбом: он нарисовал закат прямо у университетских ворот. Небо было окрашено в оранжево-красные тона, и даже контуры учебных корпусов были прорисованы очень четко.

— Откуда ты знал, что у меня сегодня практика до самого вечера? — спросил я, садясь на заднее сиденье и слегка держась за край его одежды.

— Ты же сам сказал мне вчера, — он нажал на педали, и его голос утонул в порывах ветра. — Боялся, что ты проголодаешься, поэтому положил в корзину хлеб. Перекуси, а вечером приготовлю твое любимое тушеное мясо по-красному.

Велосипед медленно катил вдоль дороги. Вечерний ветерок принес приятную прохладу. Я смотрел на его спину, на то, как свет фонарей ложится на него и вытягивает длинную тень.

— Сегодня на лекции по банковскому делу нам давали такую сложную модель, я битый час пытался её запомнить, — сказал я, прислонившись к его спине.

— Ничего страшного. Вечером научу тебя рисовать, чтобы расслабиться, — он обернулся и улыбнулся. — Рисование — это почти как ваши расчеты моделей: стоит немного попрактиковаться, и все получится.

Вернувшись домой, Шэнь Чжися сразу пошел на кухню готовить, а я устроился на диване в гостиной, чтобы разобрать дневные данные. С кухни доносился звук нарезаемых овощей,

перемежающийся с джазовой музыкой, которую он напевал. Иногда я слышал его вопрос:

— Чэнь Юй, тебе мясо сделать послаще или посолонее?

Я смотрел в экран ноутбука и улыбался, чувствуя, как спокойна и надежна эта жизнь. Раньше мне казалось, что студенчество — это только лекции, домашние задания и экзамены, тоскливая рутина. Теперь же в жизни появилось столько ожиданий: сэндвич на столе, фотография Западного озера, аромат ужина и те незаконченные картины в его мастерской.

За ужином Шэнь Чжися поставил на стол тарелку с тушеным мясом — оно аппетитно блестело, а запах был просто божественным.

— Попробуй, это тот самый вкус? — он протянул мне палочки, глядя на меня с ожиданием.

Я положил кусочек в рот: мясо было нежным и мягким, сладковато-соленым — точь-в-точь как надо. Даже вкуснее, чем у моей мамы.

— Безумно вкусно, — я не удержался и поднял большой палец вверх. — Шэнь Чжися, если ты вдруг решишь сменить профессию и откроешь ресторан, он точно станет популярным.

Он рассмеялся, покачал головой и положил мне зелени:

— Я умею готовить лишь несколько твоих любимых блюд. В следующий раз, если захочешь что-то другое, я тебя научу.

После ужина я зашел в его мастерскую и наблюдал, как он исправляет утренний набросок тумана. Он держал кисть и легкими касаниями наносил краску — туман, который до этого казался размытым, вдруг обрел глубину.

— Смотри, если добавить немного светло-серого, туман будет выглядеть прозрачнее, — он терпеливо объяснял мне детали, указывая на бумагу.

Я присмотрелся и вдруг понял, что живопись и финансы в чем-то схожи: и там, и там нужно терпение, нужно искать идеальный «баланс». В одном случае — цветовой, в другом — цифровой.

— Я тоже хочу попробовать, — сказал я, взяв кисть и макнув её в светло-голубую краску, чтобы слегка тронуть край листа.

— Неплохо, у тебя есть талант, — он улыбнулся и похлопал меня по плечу. — Будет время — научу тебя рисовать лотосы на Западном озере.

Лунный свет пробивался сквозь балконную дверь, падая на бумагу и делая цвета красок еще мягче. Я смотрел на его сосредоточенное лицо, слушал шорох кисти по бумаге и вдруг подумал: оказывается, студенческая жизнь может быть такой теплой. В ней есть место и формулам из конспектов, и краскам в мастерской, суете в погоне за парами и ожиданию возвращения домой. Такая жизнь — это по-настоящему хорошо.

<http://bllate.org/book/21838/2263488>